

▲Annotation

...Прямо за воротами стояла черная карета, огромная, без окон. Просто здоровенный черный ящик.

Все так же, без особого труда, но при этом очень аккуратно, меня затолкали внутрь, и снаружи щелкнул запираемый замок. Я свалилась на колени, ноги не держали, и судорожно хватала ртом душный, почему-то пропахший мускусом и корицей воздух.

- О, - прозвучал чей-то голос. Мужской, приятный голос. - надо же, свиарником запахло.

Карета дернулась и покатила, прочь от дома и навстречу замку Бреннен.

Оливия Штерн

Пролог.

Глава 1. Тропой сноходцев

Глава 2. Тайная комната

▲Оливия Штерн

Князь моих запретных снов

▲Пролог.

Хлопнула дверь, моментально разрезав солнечное утро на половинки. Одна, яркая, умытая вчерашним дождем, цветущая васильками и крупными бордовыми и розовыми мальвами, осталась где-то там. Мне же досталась другая, душная, кислая, пропахшая помоями и навозом, наполненная мычанием, шуршанием соломы, сопением и хрюканьем.

В амбаре не было темно. Сквозь маленькое окошко, затянутое пузырьком, сочился мутный желтоватый свет, но все равно в душе шевельнуло беспокойство, глупое и беспричинное. Прихрамывая, я дотащила ведро с помоями до загородки, вывернула его в корыто и поспешила к выходу. Дел впереди было еще много. Очень. И никто их, кроме меня, не сделает.

А потом вдруг подумала, что, входя в амбар, специально подперла дверь жердью, и захлопнуться она никак не могла.

Я толкнула дверь – та не шевельнулась. Навалилась всем телом – безрезультатно. Если я и подпирала ее, чтоб не захлопнулась, то кто-то постарался подпереть с другой стороны, чтоб я уже не открыла.

Дэвлин! Хоршев сыночек своей мамочки! Теперь, когда он меня запер, я не успею натаскать воды, за что вполне ожидаемо получу оплеуху. И охота ж ему было вставать в такую рань, чтобы мне насолить?

Я отставила ведро, опустилась на колени перед дверью. Юбка запачкалась, ну и ладно, постираю. Я припала лицом к шершавым доскам, попыталась сквозь щель рассмотреть, чем там застопорили дверь. По ту сторону темноло что-то большое, не меньше чем полено. Ах ты, паршивец!

И, понимая, что хозяйских оплеух не избежать, уселась прямо на землю. Все, что мне оставалось – ждать, пока матушка Тирия изволит самолично заглянуть в амбар, обеспокоившись отсутствием завтрака на столе.

Я подтянула колени к груди, оперлась спиной о дверь. От нечего делать расправила юбку. Потом сняла деревянные башмаки и принялась рассматривать мозоли на мизинцах. Ступни у меня были

▲маленькие и узкие, но вот с пятками просто беда. И мозоли. Конечно же, все это от противных башмаков, у матушки и у Доры ступни розовые и мягкие, они даже покупали специальную мазь в баночках и ей ноги натирали. Мазь приятно пахла, розами. Мне тогда досталось... понюхать, что задержалось на доньшке. Тонкий-тонкий прозрачный слой. Я тогда собрала мазь и натерла ей руки, потому что потрескались и болели. Матушка унюхала и заставила трижды перемыть полы в доме, чтоб я на чужое не заглядывалась. А Дэвлин ходил следом и ржал как лошадь. Мила, правда, не ржала, зато нарочно на свежевывмытые полы накрошила хлеба, и мне снова досталось.

Я сидела на полу и от нечего делать вспоминала. Это всегда так: когда ничего не делаешь, в голову лезут всякие мысли. Какие? Например, о том, как я могла бы жить, если бы матушка Тирия была моей родной матерью. Или о том, куда делись мои настоящие родители и почему меня оставили на крыльце этого дома. Почему-то я всегда представляла себе свою маму очень красивой, утонченной. И, конечно же, она умела читать и писать, и обязательно была доброй. А почему она меня бросила? Ну, вдруг ее заставили. Мало ли... О том, что моя родная матушка могла умереть, я думать не хотела.

Потом мысли вернулись к Дэвлину. Он был очень похож на матушку, рыхлый, рыхий и в веснушках. Когда мы были совсем еще детьми, он вел себя еще терпимо. Но почему-то, когда мы стали подрастать, нрав у него сделался просто отвратительным. Он был старше на четыре года, и я в двенадцать лет не совсем поняла, зачем он прижал меня к стене всем своим рыхлым телом. А потом, когда полез целоваться, укусила за щеку. Сильно, до крови.

Тогда... меня наказали. А после этого случая все, что делал Дэвлин – это пакости. Разные, всякие, маленькие и не очень. Вот примерно как сейчас. Зачем он меня запер?

Шесть лет прошло уже с того случая. Злопамятный засранец.

За дверью что-то зашуршало, и меня словно пружиной подбросило. Развернувшись, я снова припала к щели. Снаружи была видна чья-то серая юбка, длинная. Юбка колыхалась, я увидела сжатую в кулак руку. Молодую руку.

- Мила! – позвала я, – это ты? Выпусти!

Молчание. Я не понимала, почему. Уж Миле-то не за что на меня злиться. Незачем.

▲ - Мила?

Меня затрясло. Почему она молчит? Почему? Что они там задумали?

- Ильса, – наконец сказал она и присела на корточки.

Я увидела ее лицо, круглое, розово-веснушчатое. И даже один глаз увидела, водянисто-серый.

- Милочка, выпусти меня, – я вцепилась пальцами в плохо оструганные доски, – это Дэвлин меня запер, да? Выпусти, пожалуйста! Матушка злиться будет, а я...

- Ильса, – Мила приблизила губы к той щели в двери, – знаешь... я не могу. Не могу выпустить, прости. И это я тебя заперла.

Меня словно холодной водой окатили.

- Но... почему? За что? – сиплый шепот царапал сжавшееся в спазме горло.

- Матушка приказала. А Дэвлин поехал в замок Бреннен.

- Выпусти меня, – прошептала я, – Мила, выпусти...

Упоминание замка Бреннен напрочь лишило способности

мыслить. И я заорала, уже не таясь:

- Выпусти! За что? Что я тебе сделала? Я же тебя спасла! Мила-а-а-а!

И заколотила кулаками в доски, сдирая кожу, но уже не чувствуя боли. Потом опомнилась, снова вцепилась в дверь, припала к щелке – серая юбка быстро удалялась.

- Мила-а-а-а!!!

...Вот так. Остается только сидеть на полу. Амбар крепкий, из него не выбраться. А оконце слишком маленькое и слишком высоко, мне не добраться.

Когда сидишь без дела, в голову всегда лезут мысли, непрошенные, неприятные. Почему они так со мной? Если меня отдадут в замок Бреннен, то... я даже не знаю, что со мной станет. Но уверена – это будет во много раз хуже, чем десять оплеух от матушки и лезущий под юбку Дэвлин. В деревне говорили, что те, кого отдают в Бреннен, изменяются раз и навсегда. И никто не мог сказать, чем же изменяются. Но люди, способные ходить в Долину Сна, вряд ли остаются людьми.

А я... я сделала самую огромную ошибку в своей жизни, не позволив Миле в эту долину шагнуть.

♣ Каждый добрый поступок наказуем, вот к какому выводу я пришла.

Мысли, бестолковые мысли, раздражали. Я поднялась, стала ходить по амбару, ка была, босиком. Когда двигаешься, немного легче. Значит, замок Бреннен...

Сколько мне осталось? Наверное, уже недолго. Наша деревня в получасе езды от замка. Вернее, от каменного утеса, который стоит, чуть склонившись, любуясь собственным отражением в море. Утес так и называют, «горбатым». А на горбу стоит старый-старый замок, куда нет никому хода – кроме тех, кто может защитить людей от сонной немочи и от власти духа Урм-аша, проклятого духа вечного сна. Болтают, что там, за высокими серыми стенами, сложенными из древних камней, сноходцев изготавливают из тех, в ком есть частица духа Пробуждения. Болтают и о том, что тех, кого привозят в Бреннер, сперва потрошат, затем, уже выпотрошенных, вымачивают в специальных растворах, а вместо внутренностей внутрь кладут солому. Вроде как сноходцы после этого могут вытащить из Долины любого... мне не хотелось, чтобы меня разрезали, словно рыбину, и выпотрошили. Жить хотелось... очень. Любой ценой.

И я ничего не могла сделать. Ни-че-го. И от осознания собственного бессилия, невозможности хоть что-нибудь изменить, мутило, а во рту пересохло.

А может быть, так даже лучше?

У меня нет никого, кто бы обо мне горевал. Никто не будет ходить на мою могилу. Ну не Дэвлин же, в самом деле. И даже если меня выпотрошат и набьют соломой... Как-то ведь эти сноходцы остаются живыми? Как-то разъезжают они по королевствам? Еще и плату берут такую, на какую вся наша деревня жила бы год.

Меня начало знобить. Надо было чем-то себя занять, а я не знала, чем. Подошла, погладила корову Марьку. У нее был такой теплый и мягкий нос, и глаза – большие, блестящие, как будто она собиралась заплакать.

- Маречка, - невольно прошептала я, - моя хорошая...

Поняла, что сама уже реву, горячие слезы покатались по щекам.

Было страшно, но сильнее страха терзало осознание того, что моя приемная семья попросту меня продает. А Милу я вытащила, **▲**выхватила у сонной немочи, успела до того, как ее тело стало превращаться в сухую куколку...

Когда за дверями раздался шум, я только прижалась спиной к загородке, за которой печально стояла Марька. Перед глазами стремительно сгустился туман, сердце трепетало где-то в горле. И как будто издали-издали услышала я голос матушки.

- Вот, милостивые государи, вот она, наша ласточка. Отдаю, от сердца отрываю. Вы уж не обидьте меня. С двумя детьми остаюсь.

Два плечистых мужика в черных доспехах, на головах – шлемы.

- Не надо, - вырвалось жалкое, - матушка, не надо! Пожалуйста! Клянусь, все буду делать, и злить вас не буду! Только не отдавайте!

- Молчи, дуреха, - совсем недобро ответила Матушка, - совсем ума лишилась? Да не слушайте ее, государи мои, дурная девка, блажная. Вчера сама просилась.

- Так, может, ты нас обманываешь? Не похоже, чтоб сама просилась, - пророкотал один из мужчин, останавливаясь.

- Милку спросите, милостивые государи! Увидите, все как есть. Частица Энне-аша в ней, клянусь Всеми именами!

- Не надо, - прохныкала я, понимая, что деваться уже некуда.

Двое шагнули ко мне сквозь трепещущее полотно надвинувшегося обморока.

- Извольте с нами, барышня, - прогудел один из них.

- Нет... нет!

И тут не иначе как безумие меня охватило. Я рванулась вперед, между ними, прямо к распахнутой двери. Дура. Разве женщина может тягаться в ловкости с тренированными воинами?

Они меня так мягко и ловко подхватили под локти, что я даже не сразу поняла: ноги болтаются над землей.

- Идемте, барышня. Не надо бояться.

- Отпустите! - взвизгнула я, извиваясь всем телом, едва не выскакивая из платья, - умоляю, пустите! Я же... никому... дурного не делала... никому...

- Конечно, никому и ничего, - согласились они.

И поволокли прочь из амбара, словно я ничего не весила. Босиком, как была.

Я успела увидеть довольную рожу Дэвлина, опечаленное лицо Милы. Она сделала мне вслед оберегающий знак, призывая Всех быть **▲**милостивыми. Потом... широкие ступени крыльца сбоку, трещина в беленой стене дома, ветвистая, наискосок. Ворота. Цветущие мальвы, ярко-розовые, раскрытые навстречу солнцу.

Прямо за воротами стояла черная карета, огромная, без окон. Просто здоровенный черный ящик.

Все так же, без особого труда, но при этом очень аккуратно, меня затолкали внутрь, и снаружи щелкнул запираемый замок. Я свалилась на колени, ноги не держали, и судорожно хватала ртом душный, почему-то пропахший мускусом и корицей воздух.

- О, - прозвучал чей-то голос. Мужской, приятный голос. - надо же, свиарником запахло.

Карета дернулась и покатила, прочь от дома и навстречу замку Бреннен.

▲Глава 1. Тропой сноходцев

- Да ну почему же сразу свиарником? Просто... еще один запах

природы, - ответил ему кто-то.

Зрение постепенно привыкало к сумраку кареты, я судорожно сглотнула. По углам, под потолком, раскачивались небольшие кованые фонарики, и блики рыжеватого света плясали по мягкой обивке и по тем, кто уже находился внутри.

На одном диване сидели два молодых мужчины, отменно одетых, сразу видно, что из благородных. Тот, что поближе ко мне был жгучим светлоглазым брюнетом, очень красивым – ну прямо принц из сказки. И он же, морщась, старательно зажимал нос кружевным платком. Второй мужчина был светловолос, но и близко не так красив, как первый. В свете фонариков было видно, что глаза у него темные, почти черные, волосы светлые. Кажется, он мне улыбнулся, но улыбка получилась жутковатая – двигалась только одна половина лица, вторая застыла словно часть вечно равнодушной маски.

Наконец, на втором диване, в уголке, сидела девушка, тоже очень хорошо одетая – ну прямо куколка. Темноволосая. И глаза такие выразительные, темные, как у лани, в густых ресницах – так, что даже взгляд казался бархатным.

- Энне-аш воистину неразборчив, - надменно процедил брюнет с платком, - надо же, никогда не думал, что он обращает свой взор на селянок!

- Благословенный Энне-аш может обратить свой взор на любого, - поучительно заметил светловолосый, - и в этом наше счастье и спасение.

А потом он вдруг поднялся, сделал шаг ко мне и протянул руку.

- Поднимайтесь, барышня. Никто здесь не причинит вам вреда.

И снова улыбнулся, а я.. все стояла на коленях, и словно замороженная смотрела на эту его жутковатую ухмылку, и никак не решалась прикоснуться к его чистым и наверняка пахнущим одеколоном пальцам. Мои-то были грязными, в мозолях и трещинах.

- Давайте-давайте, - добродушно сказал мужчина, - ну?

▲ И испытующе уставился на меня. Совсем не добродушно. Взгляд резал похлеще тех серпов, которыми срезают колосья. Я решилась. Протянула руку, а он сперва сжал руку, а затем просто наклонился, подхватил меня под локти и дернул вверх, ставя на ноги. Подтолкнул чуть назад, и я плюхнулась на диван, тот самый, на котором в уголке молча сидела разодетая в пух и прах девушка с глазами лани.

Мужчина вернулся на свое место, закинул ногу на ногу. Башмаки... нет, туфли были у него дорожные, такие красивые... Хорошо, что в карете было темно, потому что я, похоже, начала стремительно краснеть – оттого, что они все – одеты и обуты, а я босая, с грязными руками и ногами, да еще и в старом линялом сарафане, и коса растрепалась.

- Больше уже ни за кем заезжать не будут, наверное, - сказал светловолосый.

- Могли бы сперва нас отвезти, а потом уже... за этой, - буркнул брюнет. Он все еще подносил к носу платок, а на меня и вовсе не смотрел.

Зато внимательно смотрел светловолосый.

- Как тебя зовут? – внезапно спросил он.

Щеки нещадно горели, но я все же подняла глаза и выдохнула.

- Ильса... Ильсара, господин.

- Я тебе не господин, - он улыбнулся, - в замке Бреннен все равны. Все, кто при рождении заполучил частицу духа Пробуждения.

- Возражаю, - прогнусавил брюнет, - вот этой вот... я был и буду господином. И настаиваю, чтобы ко мне она обращалась именно так и никак иначе. А лучше пусть вообще не обращается. Нам с ней даже на одной лавке делать нечего.

Мне показалось, что при этих словах светловолосый чуть заметно улыбнулся - но его половинчатая улыбка так же быстро исчезла. Он серьезно посмотрел на меня.

- Ну, раз у нас все вот так... Тогда я представлю тебе собравшихся. Начнем с дам, - он отвесил шутливый поклон в мою сторону и продолжил, - вот эта девушка, что рядом с вами, Габриэль де Сарзи. А это грозный аристократ - Тибриус ар Мориш ар Дьюс. Был бы наследником герцогства, да не вышло. Энне-аш решил его избрать как сосуд для частицы себя. - тут мне показалось, что брюнет, наследный герцог, прямо заскрежетал зубами, но почему-то промолчал. - и, наконец, я. Альберт Ливес, воспитанник Школы Парящих. Если бы наставники не узнали о том, что я тоже несу в себе частицу духа пробуждения, то мог бы тоже стать наставником...

И он, как мне показалось, глубоко вздохнул.

Потом снова улыбнулся.

- А у тебя есть фамилия?

Я пожала плечами. Какая фамилия может быть у сироты, подобрешенной на крыльцо крестьянского дома?

- Понятно, - сказал Альберт, - ну, значит, я буду просто называть тебя Ильсой. Или Ильсарой? Как тебе больше нравится?

- Красивое имя, - вдруг подала голос девушка.

У нее оказался довольно тонкий и нежный, словно россыпь хрустальных колокольчиков, голосок. Наверное, с таким голосом она могла бы петь в храме Всех.

- Даже звучит аристократично, - добавила она, - мне нравится Ильсара.

И прозвучало мое имя так непривычно, так чуждо... как будто и не мое вовсе.

- Меня всегда называли Ильсой, - тихо сказала я и обхватила себя руками.

- Ну, хорошо. Ильса так Ильса, - согласился Альберт.

Тибриус ар Мориш ар Дьюс ничего не сказал, уставился в потолок кареты.

Нас немного потряхивало на ухабах. Фонарики раскачивались. Пахло мускусом и корицей, а еще новой кожей. В карете воцарилось молчание. Альберт откинулся на спинку дивана и, казалось, задремал, утратив ко мне какой-либо интерес. Габриэль де Сарзи тоже устроилась в уголке, сложила тонкие руки на груди и прикрыла глаза.

Я вздохнула. Мерные покачивания кареты и скрип рессор помимо воли навевали сон. Я еще раз оглядела своих попутчиков. И как они могут так спокойно спать, если будут выпотрошены и набиты соломой?

И тут закралось в душу подозрение, что нам, деревенским, сильно недоговаривали. Или наоборот, говорили слишком много, куда больше того, что происходило в замке Бреннен на самом деле. А если это так, то, возможно, и неплохо то, что меня забрали от матушки Тирии?

▲ Я забилась в уголок дивана, натянула на колени сарафан, так, чтоб было поменьше видно мои босые и совершенно ужасные на вид ступни, и исцарапанные лодыжки, и задумалась.

Это всегда так, когда ничем не занята, начинаешь размышлять.

И я сидела и вспоминала... О том, как все узнали о присутствии частицы Энне-аша во мне.

Мы привыкли жить в окружении духов. Их было очень много, всех не запомнишь – наверное, именно поэтому самые большие, самые лучшие храмы посвящали Всем. Чтоб никого не обидеть и не прогневать. Духи были очень разные – добрые, злые, честные, хитрые, и по большей части не вмешивались в жизнь людей. Разве что дух огня мог вдохнуть частицу себя в новорожденного – и тогда, начиная с определенного возраста, малыш мог спокойно жонглировать горящими углями. Или, например, если ребенка коснулся дух грозы, впоследствии такой человек был способен эту самую грозу призвать. Если частица духа в нем была большой, то и призываемая гроза становилась страшной бурей. Маленькая частица, соответственно, позволяла вызвать теплый дождик и ветер. В своей жизни я даже один раз видела, как во время засухи пригласили старуху, сгорбленную и седую – годы согнули ее дугой, так что ее нос оказался где-то на уровне моей талии. Старуха эта обошла вокруг деревни, вышла в поле и очень долго там стояла, опираясь на клюку. А потом как-то быстро небо затянуло черными тучами, и полило так, что деревню едва не смыло. В амбаре было воды по щиколотку, и матушка верещала как резаная, требовала, чтоб я воду вычерпала. А как ее вычерпашь, если она повсюду?

В общем, духов было много, но только два из них очень активно вмешивались в жизнь людей: это Энне-аш, дух пробуждения, и Урм-аш, дух сонной немочи.

Наверное, духи эти при рождении что-то не поделили, или еще как-то повздорили, нам неизвестно. Но определенно они друг друга ненавидели и были готовы истребить, почему-то втягивая в свои войны нас, обычных смертных. Урм-аш, судя по всему, был злым, жадным и хищным. Он обосновался в Долине Сна, и любил заманивать к себе людские души. Делал он это, когда человек засыпал. Вот, просто засыпал кто-нибудь – и уже не просыпался, буди – не буди. ▲Некоторое время человек, которым овладела сонная немочь, еще дышал... А потом превращался в куколку. Я никогда не видела, как это – но слышала, что при этом тело ссыхается, кожа делается словно бумага, если тронуть ее пальцем, то порвется... А внутри – ничего. Пустота. Все внутренности тоже ссохлись, превратились в труху.

Однако, всех этих ужасов можно было избежать, если вовремя позвать сноходца, того самого, которого выпотрошили в замке Бреннен и набили соломой. Тогда, если заболевший сонной немочью еще дышал, сноходец уходил в долину Сна и как-то умудрялся привести заблудившуюся душу обратно и водворить ее в тело.

Вот на этом-то я и попалась.

Так уж получилось, что однажды я пришла убираться в спальне Милы. Утро было позднее, а Милка все еще бессовестно дрыхла. Я специально стала греметь дужкой ведра и с грохотом отодвигать стулья, но Мила и не думала просыпаться. Когда я дошла до помыва полов под кроватью, у меня руки так и чесались подергать ее за косы, я остановилась над спящей, размышляя, насколько мне при этом попадет от матушки... И вдруг увидела.

Я увидела, что Мила стояла рядом с кроватью – и одновременно лежала на ней. А еще я увидела, что Мила – та, которая стоит – опутана тонкой багровой паутиной, блестящей, кое-где, как мне тогда

показалось, в мелких кровавых сгустках. Паутина эта тянула Милу к пятну, которое походило на марево над пашней в жаркий день, пятно колыхалось, расплывалось, и с каждым мгновением Мила пододвигалась к нему все ближе и ближе.

- Мила, - выдохнула я, немея от ужаса.

Как же так?

Вот же она, дрыхнет себе на кровати.

И вместе с тем...

А Милка смотрела на меня так умоляюще-пронзительно и при этом молчала, что у меня дыхание застряло в горле. Я разглядела, почему она не могла говорить, ее рот был зашит все теми же кровавыми стежками.

Все решилось в считанные мгновения.

Уже совершенно не соображая, что происходит, я протянула вперед руки, рванула к себе Милку, ту, которая стояла над собственным же телом. Я ее схватила за предплечья, поверх рукавов сорочки, изо всех сил дернула на себя. Паутина лопалась с треском, и в тот миг, когда лопнула последняя липкая нить, Милка наконец подалась ко мне - а у меня под пальцами ее тело вдруг стало мягким, словно пух, и осыпалось под пальцами золотой пылью.

- Милка, - прошептала я, и потом крикнула. - Милаааа!

- Ильса, - хрипло позвала та Милка, которая лежала на кровати и теперь проснулась, - что... было? Я помню, как меня куда-то затыгивало... И спальня вся сделалась прозрачной, а ты...

Благословенный дух пробуждения, Энне-аш, оставил во мне кусочек себя самого.

Именно поэтому я и увидела, как Милка уходит в Долину Сна, и именно поэтому успела ее схватить.

Ну а дальше... Говорят, сонная немочь не забирает дважды. Мила была в безопасности.

А за регистрацию сноходца отваливали целое состояние.

Даже матушка живо сообразила, что же произошло в спальне. И теперь я еду в темной карете без окон, одна среди аристократов, прячу свои ужасные ноги и руки. Но страх потихоньку отступает. Они ведь не боятся того, что с ними сделают в замке Бреннен? Возможно, не все так плохо?

Карета остановилась.

Альберт приоткрыл глаза, встряхнулся.

- Ну, приехали.

Замок Бреннен встретил нас торжественной, почти потусторонней тишиной и пустотой. Когда я выбиралась из кареты, последняя, прячась за спины несостоявшегося герцога и Альберта, почему-то ожидала марширующие шеренги защитников замка, толпу отмеченных Духами в черных балахонах. Но нет. Ничего этого не случилось. Внутренний двор оказался совершенно пустым, безжизненным. Приоткрыв рот, я рассматривала высокие и толстые стены, по внутренним сторонам которых паучьими лапами разбегались многочисленные деревянные лестницы и закрытые коридоры, огромное центральное строение, закрывшее пол-неба, с беспорядочно разбросанными стрельчатыми окнами, в стеклах которых отражалось солнце. Деревянная черепица тускло блестела старым серебром, точно так же, как серебряные ложки матушки, когда их начистишь мелом. И все это... оказалось настолько красиво и величественно, что я не сразу сообразила, как меня окликнули.

Оказывается, глядя на замок, я пропустила самое важное: к нам подошел высокий мужчина, немолодой уже, седоватый. Он-то и был облачен в богатое одеяние черного бархата, что-то вроде многослойной туники, длинной, ниже колен, и на груди золотились вышитые звезды и еще какие-то символы. И теперь он строго смотрел в мою сторону, Альберт посторонился, давая этому господину меня рассмотреть. Я осторожно взглянула в лицо незнакомцу.

- Барышня, вы оглохли? – сухо повторил он, сверля меня тяжелым и ничего хорошего не сулящим взглядом.

- Я... простите...

Он был таким... манерным, таким роскошным, и вышивка на груди так и искрилась, так и переливалась. Вконец смутившись, я обреченно уставилась на него, ожидая... Чего? Я и сама не знала. Матушка обычно награждала оплеухой, ее муж раздражался непристойной бранью. Господин... мог ударить, сильно ударить. И я невольно втянула голову в плечи, надеясь, что мой никчемный вид вызовет жалость.

- Я поинтересовался, как вас зовут, - вкрадчиво поинтересовался мужчина, даже не шевельнувшись, не сделав ни единого движения в мою сторону, - вам ведь несложно ответить?

Кажется, Его Герцогство презрительно фыркнул.

А я набрала воздуха побольше и сказала:

- Ильсара, господин. Меня зовут Ильсара.

- А фамилия?

Тяжелый взгляд скользнул по мне снизу вверх и обратно, мне показалось, что мужчина скривился. Все-таки... Какой он... Явно не крестьянских кровей. Красивый, хоть и не молод уже. Мне вообще не доводилось встречать мужчин, которые бы старились красиво... Неосознанно я заложила руки за спину, пряча потрескавшиеся и покрасневшие от работы руки.

- У меня нет фамилии, простите.

Кажется, он пробормотал: «ожидаемо», но тут же спохватился и даже улыбнулся. Скупое так, но от этой улыбки его лицо вдруг стало очень приятным и располагающим. Он еще раз оглядел всех нас и сказал, уже громко:

♣ - Итак, будущие коллеги. Отныне вы – адепты замка Бреннен. Это означает, что вы будете единственной защитой людей от сонной немочи, и отныне ваш путь будет пролегать очень близко с Долиной Сна. Меня зовут Орнус Брист, я буду вашим личным наставником. А теперь прошу следовать за мной, я покажу вам ваши комнаты.

И мы потянулись следом, я, как всегда, в хвосте. Передо мной семеняла Габриэль де Сарзи, и более всего на свете я боялась засмотреться и наступить на край ее прекрасного муслинового платья.

А посмотреть было на что. Внутри замок Бреннен оказался столь красиво и дорого отделан, что захватывало дух. Стены украшали изысканная резьба, какие-то непонятные мне символы, сплетающиеся в длинные орнаменты, и красочные гобелены, такие большие, что у меня в голове не уместилось, как вообще можно сделать такое. На гобеленах пировали прекрасные дамы и рыцари, охотились на диких зверей неведомые мне короли, пастухи обнимали пастушек на фоне прелестных кудрявых овец – и все это среди невиданных цветов, то ли придуманных гобеленщицами, то ли попросту растущих в других королевствах.

Орнус Брист, проводя нас по замку, показал обеденный зал, не

слишком большой, уставленный тяжелыми дубовыми столами, показал вход в купальни, не забыв добавить, мол, сюда приложили руку отмеченные духом Воды, сами потом увидите. Потом он оставил Альберта и Тибриуса на разветвлении широкой лестницы, и повел нас с Габриэль наверх, поясняя, что сейчас мы придем на женскую половину, где живут и другие адепки, и там он нас и оставит, а сам покажет комнаты мужчинам.

- А это ваша, барышни, комната, - наконец сказал Орнус Брист, останавливаясь перед высокой дверью, точно также покрытой резьбой, - замков у нас на дверях нет, но вы сможете, если захотите, запереться на ночь на щеколду. Ваши вещи принесет слуга. Те, с которыми вы приехали. Позже, если что-то понадобится, вы можете купить.

Он распахнул дверь, пропуская внутрь Габриэль, но когда я хотела на цыпочках идти следом, крепко взял меня за локоть.

- А вы, Ильсара, задержитесь.

И плотно дверь закрыл. Мы остались одни в сумрачном коридоре, я невольно попятилась, попыталась вырвать руку из крепких пальцев, но тут же поняла, что меня никто не держит.

♣ Орнус Брист хмуро смотрел на меня и молчал. А я не понимала, что ему нужно, и от этого сердце зашло в рваном беге, а спина мгновенно вспотела.

- Я так понимаю, у вас больше ничего нет? - красноречивый взгляд в сторону моего сарафана и на босые ноги.

- Нет, - прошептала я, краснея.

- То есть ни одежды, ни белья, ни обуви, - задумчиво уточнил Брист, хмуря брови.

- Нет.

Он почесал подбородок, все так же рассматривая меня, а затем спросил:

- Откуда вы взялись, Ильсара?

- Я сирота, - буркнула, опуская взгляд, - меня воспитывала матушка Тирия по доброте сердечной.

- Ну да, конечно, и вы ей заменили всех сезонных работников, - небрежный кивок на мои многострадальные руки, - хорошо, я все понял. Вам сейчас принесут свежее белье и платье адепки, уж не обессудьте, какое есть. И башмаки. Оденетесь после того, как побываете в купальне. Надеюсь, вшей у вас нет?

У меня появилось желание немедленно провалиться сквозь пол.

- Нет, - беззвучно проронила я, понимая, что еще немного, и расплачусь.

- Не обижайтесь, - сдержанно сказал Брист, - я должен был спросить. Наверняка вы и читать не умеете?

- Я умею за скотиной ходить, - горячая капля медленно поползла по щеке, - и готовить. И прясть. И огород полоть...

- Прекрасные умения, но здесь они вам не пригодятся.

Внезапно я почувствовала его горячие пальцы на своем лице, он приподнял мой подбородок.

- Не плачьте, - темные глаза улыбались, - замок Бреннен, конечно, не самое безопасное место, но, если соблюдать все правила, с вами все будет хорошо. Мы побеседуем чуть позже.

Я, как замороженная, смотрела на него и не могла шевельнуться. Никто. Еще никто себя так не вел со мной. Так странно. Так чудесно и непривычно. Орнус Брист - первый человек, который вел себя так, словно я ему ровня. Ну, или почти...

▲ - Идите, - снова скупая улыбка, - отдохните. Потом вымоетесь. Ровно в шесть часов у вас назначено собеседование, и мне бы хотелось вас видеть одетой, причесанной и хотя бы не рыдающей.

Он опустил руку, кивнул, а потом повернулся и пошел прочь. А я... не удержалась.

- Мастер Брист!

Остановился, обернулся.

- Да, Ильсара?

- Вы... сноходец?

Он пожал плечами.

- Разумеется.

- А вас... не выпотрошили и не набили соломой?

- Что за чушь вы несете? – трагическим тоном поинтересовался он, - и вот это про нас рассказывают в вашей деревне, или откуда вы взялись?

Я сглотнула и кивнула. Ох, только бы не разозлить.

- Не переживайте, милая моя, вас никто потрошить не будет, - он усмехнулся, блеснул глазами в полумраке, и пошел прочь.

А я, от всего пережитого трясаясь как лист, потянула на себя дверь нашей общей с Габриэль комнаты и шагнула вперед.

С ума сойти. Мне придется жить в одной комнате с аристократкой, Габриэль де Сарзи. Нет, все это просто невозможно.

Комната оказалась просторной, с камином. Окно было одно, и кровать под ним ожидаемо заняла Габриэль. Она сосредоточенно копошилась в своем красивом кожаном чемоданчике и что-то бурчала под нос. Я молча подошла к свободной кровати и присела на краешек. Пачкать плотное тканое покрывало не хотелось. Габриэль молчала, не замечая меня и продолжая свое занятие. Я тоже не знала, что делать и как себя вести, надо было дождаться обещанную одежду, потом пойти искупаться и подготовиться к собеседованию. В голову лезли самые глупые мысли. Должна ли я была называть Габриэль госпожой? Должна ли я заговорить первой, нам ведь жить вместе? И этот мастер Брист, о чем он будет меня спрашивать? Немного страшно... и любопытно одновременно. В животе как будто поселилась сотня бабочек-капустниц, и все они трепещут крыльшками, щекочут... забавно так щекочут.

▲ Я наблюдала, как юная де Сарзи разложила на покрывале содержимое деревянной шкатулки. Там было столько блестящих коробочек и склянок! А еще костяные гребни, резные, такие необычные, маленькие, заколки для волос, и еще много интересных вещиц, о назначении которых догадаться было невозможно.

Я рассматривала и саму Габриэль: она была хрупкой шатенкой с глазами олененка, каждое ее движение было изящным и скупым одновременно. Я бы сказала – отточенным и выверенным годами строгого воспитания. И платье такого красивого коричневого оттенка. Даже Мила никогда не носила таких, откуда у дочки зажиточной крестьянки столько денег.

Неожиданно Габриэль отложила в сторону свои вещицы и посмотрела в упор на меня – тоскливо и испуганно. А у меня как будто гора с плеч свалилась: я думала, что останусь один на один с заносчивой аристократкой, а оказалась рядом с просто перепуганной и опечаленной девушкой, которая по душевному состоянию не так далеко ушла от меня.

- Что скажешь? – тихо спросила Габриэль де Сарзи.

Я пожалала плечами. Не знаю, о чем говорить, что говорить.

- Как ты здесь оказалась? – снова вопрос.

И посмотрела на мои руки. Почему-то все на них глазели, как будто это было самым главным во мне.

- Я спасла сестру, - растерянно промямлила я, - и матушка узнала, что во мне частица духа Пробуждения. Поэтому меня заперли в амбаре и позвали сноходцев.

- Понятно, - Габриэль вздохнула, - ничего хорошего. У меня тоже... ничего хорошего. Но я думаю, что пусть лучше здесь, чем замуж. Хотя, что уж там, я мечтала о семье.

И снова посмотрела на меня так пронзительно-грустно, что захотелось как-то ее утешить. Ну, или хотя бы развлечь разговором.

- Если вы...

- Ты. Мы здесь все одинаковые, помнишь?

- Если... ты хотела семью, то почему же здесь лучше, чем замуж?

Габриэль потерла кончик аристократичного носика и покачала головой.

- Потому что мой жених был меня старше на сорок лет.

Представляешь, каково это, каждый вечер ложиться в постель со старым, обрюзгшим и вонючим маркизом?

- На сорок лет!

Я не знала, что и сказать. Конечно, в нашей деревне бывали неравные браки. Даже староста, овдовев, взял себе ладную шестнадцатилетнюю девку, но старосте было чуть за тридцать, он был рослым и крепким мужиком. А до шестидесяти у нас вообще редко кто доживал, и шестьдесят лет считался очень почтенным возрастом.

- На сорок лет, - эхом откликнулась Габриэль, - так что, думаю, уж лучше стать сноходцем и приносить пользу людям, чем стать игрушкой престарелого самодура.

- Да, наверное, - я согласилась. И почему-то сказала, - а у меня не было женихов. Не до них было.

- Оно и видно, - фыркнула Габриэль, - стоит только посмотреть на твои руки.

- У крестьян всегда такие руки, - твердо сказала я, глядя в глаза олеленку.

- Не обижайся, пожалуйста. Это не упрек. Только вот... Ты точно крестьянка? Понимаешь, я смотрю на твои руки – они очень маленькие, изящные. Но при этом в совершенно ужасном состоянии. Они не должны быть такими, понимаешь?

Я вздохнула. Ну что ей сказать?

- Меня подбросили на крыльцо матушке. Я не знаю, кто родители. Ну а руки... меня ведь никто не спрашивает, хочу ли я делать ту или иную работу.

- Понятно, - сказала Габриэль задумчиво. – ну, ничего. Мы приведем в порядок и твои руки, и ноги.

- Мы?

- Ну да, - она слабо улыбнулась, - мы же будем жить в одной комнате. И, наверное, должна стать подругами или что-то вроде того.

А потом добавила мрачно:

- У меня никогда не было подруги. Сама не знаю, что с этими подругами делать.

В этот миг в дверь аккуратно постучались, Габриэль сорвалась с места и побежала открывать, а потом уже вернулась ко мне с пухлым свертком, поставила его на кровать.

- Вот, принимай. Я думаю, все это тебе! И пойдём, наконец, купаться. Я жутко пропотела, пока добирались.

▲ Я тоже хотела помыться, и поэтому принялась торопливо раскладывать все то, что мне принесли. А там... я мысленно поблагодарила мастера Бриста, потому что, думаю, это он распорядился обо всем. А может быть, даже сам что-то подбирал.

Там было белье, настоящее. Из недорогой бязи, но совершенно новое. Две нижних сорочки, платье со шнуровкой по бокам, смешные панталоны, две пары чулок, одни шерстяные, и туфли. В довершение ко всему там еще был халат, и еще одна сорочка, длинная-длинная и такая широкая, что я в ней просто утону. И большое мягкое полотенце. А в маленьком деревянном ящичке обнаружили странная щеточка на длинной ручке и круглая жестяная баночка, от которой пахло мятой.

- Отлично, - сказала Габриэль, которая тоже все это рассматривала, - теперь бери, что нужно, и пойдём, наконец, купаться.

Я все рассматривала содержимое ящичка, с ужасом понимая, что понятия не имею, что со всем этим делать.

- Ты что, зубы никогда не чистила? - вкрадчиво спросила Габриэль.

- Чистила, конечно! Щепочками...

Она вздохнула.

- Это же зубная щетка и зубной порошок. Ну, пойдём уже, а? Не уверена, что у них там есть мыло, возьму свое. Вот, и ты держи.

И положила мне на край кровати брусок мыла, который одуряюще пах розами, и совершенно новую мочалку.

Мы без приключений добрались до купален, по пути встретив лишь двух служанок, торопящихся куда-то со стопками наглаженного белья. Внутри все оказалось отделано белым камнем с темными прожилками, Габриэль назвала его «мрамор». Взяли по большому тазу, разделись, и приступили к мытью. Надо сказать, не просто так мастер Брист обратил наше внимание на устройство купален: по центру помещения был расположен небольшой круглый бассейн, где весело пузырилась теплая вода. Вокруг бассейна были расставлены мраморные же скамьи, куда полагалось садиться или ставить свой таз. ▲А вода, которой мы поливались, стекала в отверстия в полу. Просто и удобно.

Я, наверное, раза три намыливалась, оттирая с себя всю въевшуюся грязь. И волосы... Это ж не зола, это было настоящее ароматное мыло, какое мне за всю жизнь ни разу в руки не давали. Вернее, давали, но только для того, чтобы донести из лавки до дома и отдать матушке. И мне почему-то казалось, что вместе с грязью с меня сходит и уносится с теплой водой все старое, а я, как будто заново родившись, ступаю через порог новой жизни. От осознания этого почему-то было больно и свербело в горле, и я боялась расплакаться перед Габриэль, потому как причин для слез вроде и не было, а рыдать просто так казалось стыдным.

Потом, вытершись насухо, просушив волосы, я оделась в чистое, обулась и стала ждать Габриэль, которая не торопилась. Туфли оказались велики, но самую малость, и это было даже хорошо, потому что ноги не привыкли к тесной обуви.

У выхода висело большое зеркало, и я - бочком-бочком - но все-

таки решила в него посмотреть. Жутко было любопытно, какой же я стала.

Из мутноватой глубины на меня растерянно уставилась нарядная кукла с гривой черных волос и синими глазами. Как странно. Я никогда не рассматривала себя, и вот сейчас вдруг почувствовала, что это не я – кто-то совсем другой. Платье из недорогой серой ткани с белым воротничком преобразили меня просто невероятно. И туфли. Очень мягкие, такие никогда не набьют мозолей...

И вот эти глазщи, на пол-лица, какие-то кошачьи. И худое треугольное лицо. И узкий прямой нос.

- Ты красивая, - за плечом вдруг возникла Габриэль, замотанная в полотенце, - ты точно крестьянка, м?

- Я не знаю, - покачала головой, опустила взгляд.

А потом, спохватившись, принялась заплетать косы. Мысли в голове снова толкались самые глупые. Я почему-то вспомнила, как Дэвлин все норовил меня зажать в углу, и задумалась о том, что, возможно, он тоже считал меня красивой. Но при этом отчего-то называл свинным отродьем и уродкой.

- Идем в комнату, - за плечом снова возникла Габриэль, - я с собой привезла все, что нам может понадобиться. А потом напишу родителям, еще попрошу. Или сами купим.

- Откуда у меня деньги, - настроение вмиг испортилось.

- Думаю, тебе выделят какое-то довольствие, - серьезно сказала она, - видишь ли, сноходцы – это самые богатые люди в пяти ближайших королевствах. Возможно, богаче самих королей.

- Почему же тогда короли не отберут у них богатства? – в моем представлении не было никого жаднее тех самых правителей.

- Ну, как почему, - мы уже выходили из купален, и Габриэль взяла меня под руку.

Аристократка. Меня. Под руку.

- Потому что каждый король хочет пожить подольше и не превратиться в куколку, когда за ним придет сонная немочь, - поучительным тоном сказала Габриэль и весело рассмеялась.

- Можно сноходца заставить, - возразила я, - заковать в цепи.

- А вот и нет! Потому что сноходец просто уйдет в Долину Сна, и никакие цепи его не удержат. Так-то.

Ее смех зазвенел колокольчиком под сводами старого замка Бреннен, а мне почему-то стало легко и весело. Так, словно вот сию минуту я могла распахнуть крылья и взлететь.

▲Глава 2. Тайная комната

За мной пришли чуть раньше, в пять, словно наставники решили прежде всего убедиться в моем... Даре? Или наоборот, полной бесполезности? Раздумывая над этим, я шагала за высоким охранником в черной форме, и мне очень хотелось спросить, каким образом будет проходить то самое собеседование. Но, понятное дело, я ничего не спросила, и послушно дошла до нужной двери в нужном крыле замка. Надо сказать, здесь все немного отличалось от того, что я видела в крыле, куда селили адептов. Как-то мрачно, не обжито. Кое-где даже штукатурка дала трещины, и невероятно красивые и сложные фрески кое-где начали обсыпаться. А еще мы шли такими извилистыми коридорами, сворачивали такое количество раз, что я усомнилась в том, что смогу самостоятельно найти дорогу обратно. Впрочем, это не сильно пугало: замок не пустует, и даже если заплутаю, меня кто-нибудь да найдет.

Потом охранник постучался, распахнул передо мной дверь – и в глаза брызнул яркий свет десятков свечей. В этой небольшой комнате и жарко было от множества горящих свечей, я вплыла внутрь сквозь теплый, душный и пахнувший горячим воском воздух и остановилась перед длинным столом, за которым и сидели наставники.

Обежав взглядом собравшихся, я отметила, что место в середине занимает очень светлый блондин, такой светлый, каких я еще никогда и не видела. Я невольно сглотнула, поняв, что у него красноватые радужки, но кое-как взяла себя в руки. Мастер Брист сидел по правую руку от красноглазого чудовища, еще правее расположилась моложавая брюнетка, худенькая и маленькая. Еще двое сидели по другую сторону стола, два совсем молодых мужчины, похожих друг на друга, словно братья, оба медно-рыжие и темноглазые.

- Присаживайтесь, Ильсара, - мягко проговорил блондин в центре.

Вконец растерявшись, я пошарила взглядом по комнате, сообразила, что рядом со столом – напротив красноглазого – стоит стул. Уже садясь, я поймала взгляд Орнуса Бриста, и мне показалось, что он ободряюще кивнул и чуть заметно улыбнулся.

А потом я попала в плен кровавых глаз.

♣ - Итак, - произнесло чудовище, произнесло очень приятным, бархатистым голосом, - вас зовут Ильсара, фамилия неизвестна. Хотите взять фамилию семьи, которая вас приютила?

- Нет, - сорвалось с губ прежде, чем я подумала.

Кажется, чудовище хмыкнуло.

- Хорошо, мы не будем настаивать. Но здесь принято иметь какую-то фамилию, так что подумайте на досуге и придумайте себе... что-нибудь. – он несколько мгновений меня пристально рассматривал, затем продолжил, - меня зовут Кодеус Клайс, и я – глава замка Бреннен и этого приората сноходцев. Я не буду ничего вам преподавать, поскольку мои задачи состоят в ином. Далее. Рядом вы видите вашего наставника, мастера Орнуса Бриста. Он будет заниматься вашим становлением как носителей Энне-аша. Со всеми вопросами обращаться к нему. Мастер Гвейла Шиниас, - брюнетка сдержанно кивнула, - будет учить вас искусству привязки. О том, что это такое, уже завтра расскажет сама она. По левую сторону от меня вы видите Ригерта и Рокрета Шезми, да, они братья и мастера по части поиска и перемещений в печально известной Долине Снов.

Он умолк, все еще сверля меня страшным взглядом. А я... что я должна была сделать? Поклониться им?

Окончательно смешавшись, я кое-как поднялась и молча поклонилась, как меня приучили кланяться старосте.

- И что это вы вытворяете? – ядовито спросил Клайс, - где это вас научили всему этому?

Кажется, мастер Брист предупреждающе кашлянул, Клайс обменялся с ним быстрыми взглядами.

- Садитесь, Ильсара, - махнул холеной рукой, - вас никто здесь не хочет обидеть. Но, судя по всему, некоторым проблемы у нас будут. Скажите, вы обучены грамоте?

Я мотнула головой, с преувеличенным вниманием рассматривая подол своего новенького платья.

- Орнус, все это придется делать, - последовал незамедлительный приказ, - и делать придется тебе.

- Это не страшно, - мягко ответил мастер Брист, - мы справимся, правда, Ильсара?

Я осторожно посмотрела на него: Брист чуть заметно улыбался.

- Да... я готова.

▲ - Расскажите нам, как впервые в вас проявился дух Пробуждения,
- скомандовал глава замка Бреннен.

- Я... - и снова воспоминания нахлынули душевной волной.

И я рассказывала. О том, что чувствовала, о том, что это было страшно и отвратительно... но Милу нужно было спасти, я не могла дать ей погибнуть. А они меня потом продали, так подло, даже не предупредив.

Когда я умолкла, в комнате воцарилась тишина, ватная, давящая и неприятная.

- Любопытно, - первой подала голос мастер Шиниас, - про нитки нам еще никто не рассказывал.

- Похоже на то, что повышена чувствительность, - высказался кто-то из братьев Шезми, я так и не запомнила, кто из них кто.

- Коллеги, я бы предложил не гадать, а проверить, насколько все серьезно. Возможно, барышне примерещилось, - снова Клайс.

Я удивленно моргнула, когда он откуда-то из ящика достал плоскую коробку и поставил ее передо мной. Сдвинул крышку. Внутри оказалась россыпь мелких предметов – пуговицы, оторванные от одежды, мелкие монетки, обломок гребня, ленточка...

- Возьмите что-нибудь, рассмотрите, - приказал Клайс, - попытайтесь почувствовать каждый из этих предметов... И скажите мне, что вы думаете об их хозяевах.

«Да что я могу сказать об их хозяевах?» - мысленно ужаснулась я, но все же протянула руку и взяла первое, что попало.

Это оказалась тяжелая серебряная пуговица с неизвестным мне гербом: василиск извивался вокруг солнца.

- Не торопитесь, - вдруг вмешался мастер Брист, - закройте глаза. Попробуйте почувствовать эту вещь. Попробуйте представить себе ее хозяина. В любом случае, не торопитесь.

Я послушалась. Закрывает глаза, стараясь забыть о том, где нахожусь. Сжала в кулаке пуговицу, она была приятно-холодной и поему-то совершенно не желала нагреваться от тепла моей ладони. Затаив дыхание, я вслушивалась в собственные ощущения, и с каждым мгновением мне делалось все страшнее – потому что я не чувствовала ничего. Вообще ничего, пустоту. Только пустоту и холод.

Меня выгонят отсюда? Я вернусь к матушке?

▲ Но почему-то возвращаться уже не хотелось. В стенах замка Бреннен я внезапно почувствовала себя человеком. Не рабочими руками, которые было так удобно использовать.

- Ну, что? – тихо спросил мастер Брист, - не бойтесь, говорите, что почувствовали?

- Пустоту, - пересохшими губами прошептала я. Потом виновато посмотрела на Бриста. Он разочарован?

Но нет, наставник снова улыбнулся.

- Все правильно, вы и должны были почувствовать пустоту, - сказал Кодеус Клайс, - владелец этой пуговицы давным-давно мертв. Берите следующий предмет.

Пальцы дрожали, когда я отложила в сторону пуговицу и потянулась за следующей вещью. Зачем-то взяла обрывок ленточки, сжала в кулаке, снова закрыла глаза.

Ленточка молчала, не торопясь раскрывать мне судьбу своей владелицы. Она не была ни холодной, ни горячей – просто дорогой

шелковой ленточкой, красивого василькового цвета.

Я невольно облизнула губы.

Что я должна была сделать с собой, чтобы почувствовать?

И что именно нужно чувствовать?

Внезапно кожу ладони словно ожгло. Я открыла глаза, но... все поплыло. Яркие огоньки свечей, добротная мебель, сноходцы – все вдруг подернулось густым туманом, сквозь который...

Снова паутина. Та самая, которая тянула Милку куда-то. Ей был зашит ее рот, и поэтому Милка не могла кричать.

Только теперь паутина была везде. И наставники... Они как будто остались по ту сторону, а я... я совершенно одна, и кожу жгут толстые плети, в отвратительный кровавых сгустках. И огнем горят стежки на губах, и я тоже не могу кричать – только мычу, заходясь в беззвучных рыданиях, теряя рассудок от ужаса.

Мне казалось, что меня кто-то зовет. Я изо всех сил дернулась, пытаюсь разорвать стянувшие меня путы, меня словно кипятком окатили...

И внезапно все закончилось.

Я снова могла дышать. Лицо ласкал прохладный воздух. Я как будто плыла, плыла сквозь сумрак, и кто-то бережно прижимал меня к себе, и нес, нес...

▲ - Тише, Ильса, тише, - услышала я голос Бриста, - вы нас всех изрядно напугали. Сейчас передохнете в лекарской, и пойдете к себе.

- Что случилось? – просипела я, не зная, что и думать, - отпустите, я сама пойду.

- Думаю, это не самое лучшее решение. Вы на ногах не удержитесь. С вами такое раньше случалось? Что вы видели, когда взяли ленту?

- Мне... было плохо... - прошептала я, снова закрывая глаза, - снова эта паутина... она тянула меня... Кому принадлежала та ленточка?

- Она принадлежала молодой девушке, сноходцу, которая заблудилась в Долине Сна и не нашла дороги домой, - тихо сказал Брист, - у вас очень низкий порог чувствительности, Ильса. Это и хорошо, и плохо одновременно.

- Так меня... не вернут к матушке?

- Вернут? Нет, что вы. Вас будут учить. Вы спасете очень много людей от духа сонной немочи, Ильса. Все будет хорошо.

Я закрыла глаза. И так было уютно и спокойно на руках у наставника, что даже стало немного стыдно. Ну надо же, меня несет совершенно чужой мужчина, а я и размякла. Матушка бы уже сказала – шлюха, как есть шлюха. А я наслаждалась. И почему-то мечтала о том, что, будь у меня отец... настоящий отец... он тоже бы... иногда жалел. И помогал бы. И берег. И не заставлял бы таскать тяжеленные ведра с помоями.

- Простите меня, - пробормотала я, - простите, что так вышло.

- Через пару часов придете в себя и отправитесь к себе, - спокойно ответил Брист, - кстати, вам назначили содержание. Небольшое, как и положено адепту, но деньги у вас будут. Сможете по праздникам выезжать в Торнхоп, купите все, что понадобится.

- Это вы... попросили за меня? Ну, про деньги?

Хотя я могла бы и не спрашивать. Брист промолчал, и я видела, что он улыбается.

В лекарской я действительно провела совсем немного времени, как мне казалось, в обществе немолодой уже, но очень деятельной дамы. Она была круглой со всех сторон, как шарик – округлое лицо, пухлые пальцы, полные руки, ну и все остальное. На ней была серая лекарская хламида, а волосы убраны под скромный чепец. Даму звали Фелиция, как она представилась, она отчаянно скучала, сидя на своем посту, и потому, заполучив меня, с удовольствием рассказывала о замке Бреннен и о том, как это важно, уметь легко ходить в Долину Сна.

Фелиция, непрестанно улыбаясь, напоила меня несколькими горькими отварами. Они были настолько отвратительными на вкус, что, думаю, ватное бессилие отступило не столько от их целебных свойств, сколько от бодрящей горечи. Фелиция все болтала, и я пожалела, что Брист ушел, как только сгрузил меня на кушетку. Слушать лекаршу почему-то казалось утомительным, а еще... уж не знаю, почему, но мне не понравились ее взгляды, которыми она время от времени меня окидывала. Непонятные такие взгляды. Примерно так деревенский мясник смотрел на тушу свиньи, приступая к разделке. При этом с лица Фелиции не сходила очень дружелюбная, располагающая улыбка и, казалось, она искренне мне сопереживает.

Мне все же сделалось неудобно, я осторожно села, спустила ноги на пол. Голова немного кружилась, но в целом все стало немного лучше.

- Я пойду, спасибо, - сказала я улыбчивой даме.

- Тебе лучше? – прошептала она.

Я кивнула. И поднялась на ноги. Лекарская на миг накренилась, но затем все стало на свои места – чисто застланные кушетки, стеллажи, набитые мешочками, коробками, какими-то бутылками. В окна – здесь их было два – заглядывал багровый закат, и каким-то чудом этот свет отразился в голубых глазах Фелиции, на миг будто наполнив их кровью. Я вздрогнула, моргнула... В следующее мгновение она шагнула в сторону, и видение исчезло. Передо мной снова стояла улыбчивая дама.

- Подожди, - засуетилась она, - если у тебя повышена чувствительность, то тебе на ночь нужно обязательно принимать специальное снадобье.

И протянула мне стеклянный пузырек, наполненный коричневой жидкостью. Он был закрыт стеклянной притертой крышкой, но даже так я ощутила запах спи-корня.

- Это чтобы сны не снились, - пояснила Фелиция, - вам еще не рассказывали, верно? Нет лучшей пищи для духа сонной немочи, чем **▲**сноходец, несущий в себе частицу духа пробуждения. А где проще всего разжиться таким лакомством? Присниться ему. Так что такие вот, одаренные, на ночь обязательно принимают наше зелье. Чтоб себя оградить от посягательств с той стороны.

- Спасибо, - я кивнула и взяла пузырек, - ну, я пойду?

- Иди, - ответила Фелиция и отвернулась.

Она подошла к столу и принялась что-то деловито перебирать на нем, перекладывая с места на место банки, закрытые шелестящей бумагой, высокие колбы с неизвестным мне желеистым содержимым. В общем, на меня она больше не смотрела, и я потихоньку вышла прочь.

Оказавшись в коридоре, я с тоской подумала, что теперь мне самостоятельно нужно добраться до нашей с Габриэль комнаты.

Лекарская находилась все в том же, старом и давно не отремонтированном крыле замка, передо мной в темноту уходил длинный коридор, который, несомненно, еще несколько раз вильнет в сторону или разветвится. Я вздохнула, и пошла вперед, придерживаясь рукой за стену – все-таки голова кружилась, от слабости и голода подташнивало.

Снова я начала думать. В замке Бреннен, по большому счету, я занималась исключительно бездельем, и по этой причине голова постоянно была занята какими-то мыслями. Это было так непривычно и ново, но, что уж там, приятно.

На сей раз мысли были о том, как много мне придется трудиться, чтобы выполнять все требования наставников. Внезапно сделалось так жутко, что, казалось, пол уходит из-под ног. Мне придется научиться читать и писать! Это казалось совершенно невыполнимым. У нас в деревне грамоте был обучен только жрец Всех. Так что ж, и я стану настолько ученой?

Потом я задумалась о том, что Кодеус Клайс сказал о необходимости сочинить себе фамилию. Это тоже казалось задачей почти невыполнимой. А вдруг фамилии что-нибудь означают? И я придумую что-нибудь не то? Наверное, в этом вопросе лучше посоветоваться с Габриэль... Кажется, она неспособна на гадость.

Коридор вильнул пару раз, и я где-то впереди услышала разговоры и смех. Это обнадеживало: сейчас спрошу, как мне быстрее добраться до крыла, куда селили адептов. Я ускорила шаг, одной рукой все так же опираясь на стену, а в другой сжимая склянку со снадобьем, и неожиданно для себя выбралась в довольно широкую галерею. Окон там не было, свет давали факелы в подставках. И вот там-то четверо моих ровесников что-то горячо обсуждали, весело гогоча.

Я остановилась. Почему-то не хотелось спрашивать у них. Тем более, что они вели себя так, словно были навеселе. Я попятилась, но внезапно один из них обернулся в мою сторону и... С замирающим сердцем я узнала в нем Тибриуса ар Мориш ар Дьюс. Отвратительно. Это был последний в королевстве человек, с которым я бы хотела столкнуться в темном коридоре.

Была, конечно, робкая надежда, что он отвернется и сделает вид, что меня не заметил, но она истаяла, когда он разразился пьяным смехом и указал на меня пальцем.

- А-а-а, вот и прекрасная дама пришла нас развлечь!

Его приятели разом повернули головы, словно их кто-то дернул за ниточки.

Я потупилась и все же развернулась, чтоб уйти обратно. Пережду где-нибудь в уголке, а потом уже буду искать дорогу.

- Эй, стой! – крикнул сзади кто-то.

Нестройный топот за спиной, и меня догнали. Чьи-то жесткие пальцы схватили за плечо, разворачивая, и я лицом к лицу оказалась с Тибриусом и его подпевалами.

Разило вином от него знатно. В неверном свете факелов он прищурился, рассматривал меня несколько мгновений, а затем во взгляде появилось недоумение... узнавание... и очень знакомое выражение, которое я постоянно видела в глазах Дэвлина, когда он распускал руки в сенях.

- Ба, да это же наша свинарка! – хохотнул он натужно, - вот это встреча! Господа, наконец-то в этих мрачных стенах мы нашли даму, которая всех нас развлечет. Так ведь, как-там-тебя?

- Отпусти, - я дернула плечом.

Ладонь, в которой я сжимала пузырек, мгновенно вспотела.

- Отпустите, господин, - поправил Тибриус, ухмыляясь, - или забыла, как надо обращаться к таким, как мы?

Забыла ли я? Нет, конечно же, нет. Но точно так же понимала, что, как бы я сейчас не обратилась, все будет неправильным. Все будет только поводом...

▲ - Мне нужно идти, - повторила я громко. Так решительно, как получалось.

- Вот прямо торопишься? - гад усмехнулся, затем оглянулся на собутыльников, ища поддержки.

И он ее получил. Во всяком случае, никто из них не вмешался и не попытался за меня заступиться. Тибриус за один вечер стал заводилой и предводителем.

- Хорошо, - его голос прозвучал обманчиво мягко, - сейчас, обслужишь нас по-быстрому, и иди.

Я моргнула. Происходило нечто запредельное. И никто. Ни один из них не сказал и слова поперек. Теперь уже стало по-настоящему страшно. Я изо всех сил дернулась назад, Тибриус, хоть и был пьян, успел перехватить меня за плечи и притянуть к себе. Пузырек упал, покатился по полу и тут же был кем-то раздавлен с хрустом.

- Нет, пусти! - крикнула я, изо всех сил упираясь в грудь Тибриусу, который веселился от души.

- Ну-ка, дай на тебя посмотреть! - он заржал, - а руки-то руки! Друзья, перед нами экземпляр, который всю жизнь проводил над стиркой.

Страх... парализовал, лишая воли. Как бороться? Кого звать? А если... если они в самом деле выполнят то, о чем говорят?

Я зажмурилась, слезы брызнули из глаз.

- Отпусти... те, пожалуйста, отпустите меня, господин.

Я почувствовала, как руки Тибриуса шарят по моему телу, как он притянул меня к себе, словно паук муху. Надо было что-то делать, а я... не знала, что. В какой-то миг губы несостоявшегося герцога впились в мои, такие отвратительно липкие, пропахшие вином. И тут меня накрыло таким необоримым ужасом, что я... сама не знаю, как это получилось. Резко согнула ногу в колене и ударила. Не знаю, куда именно попала, но, судя по сдавленному шипению Тибриуса, куда надо. Он меня выпустил и стал медленно сгибаться пополам. А я... словно меня кто-то толкал. Я изо всех сил боднула его лбом. В нос. И, почувствовав себя свободной, рванула прочь.

- Ах ты... - неслось из-за спины, - держите ее!.. Хватайте! Теперь уже не уйдет!

И я побежала.

▲ Изо всех сил, как только могла, учитывая собственное плачевное состояние. Страх никуда не делся, и чувство было такое, словно я в собственном кошмаре, пытаюсь убежать, а ноги вязнут в липкой патоке, и каждый шаг все тяжелее и тяжелее, а шум погони нарастает... И она так близко, пьяные, хохочущие, и на людей-то мало похожие.

Задыхаясь, я все-таки немного оторвалась, нырнула в темный закуток, пропахший плесенью и мышами, привалилась спиной к холодной стене. Накатывало отчаяние. Прячься-не прячься, все равно найдут. Что делать?

Голоса, звуки шагов... совсем близко.

Я облизнула пересохшие губы.

Что делать?

Ноги тряслись и подгибались, убежать не смогу. Перед глазами прыгали серые мошки, я закусила кулак, чтобы они не услышали мое хриплое дыхание.

«Мамочка...»

Вжалась в стену, как будто она могла меня спасти. И не сдержала крика, когда поняла, что моя спина куда-то проваливается, вместе с каменной кладкой.

Скрежет старого механизма.

Меня прокрутило вокруг оси, что-то щелкнуло, закрипело...

И все погасло. Я осталась стоять в совершенной темноте, хватая ртом застоявшийся воздух.

Несколько мгновений я просто стояла и таранилась в темноту. Вязкий, липкий страх опутал все тело, лишая способности двигаться и соображать. Он и похож был на ту кровавую паутину, стянул путами руки и ноги, казалось, еще чуть-чуть, и я просто упаду и умру. Сердце колотилось где-то у самого горла, было душно и... так темно, что до тошноты, когда взгляд ищет хоть крошечный проблеск света – но не находит.

Едва соображая, что делаю, я все телом надавила на стену, потом развернулась, заколотила в каменную кладку руками. Уж лучше быть изнасилованной, чем замурованной заживо.

- Помогите-и-ите!

▲ Даже кричать громко не получалось, так, жалкое мяуканье. Горло схалось в спазме.

- Помогите! Кто-нибудь...

На мгновение померещились голоса за стеной, я воспряла, попыталась толкнуть стену в том месте, где, как мне казалось, она и провернулась... Все бесполезно. Я была совершенно одна в тихой липкой тьме. Я сползла спиной вниз, уселась на пол, все еще надеюсь... на что? Хотя бы на легкий сквозняк, тогда стало бы ясно, что где-то здесь есть выход... и я бы...

Пuls грохотал в висках, мешая думать. Что делать? Куда идти? Или не идти, оставаться на месте и кричать что есть мочи? Но кто меня будет искать? Может быть, спустя десять лет найдут мой скелет, наряженный в серое платье...

От мыслей о скорой смерти я почему-то начала успокаиваться. Задумалась о том, а что меня ждет там, на другом берегу? Может быть, кто-то из моих предков? Настоящих... Посмотреть на них было бы любопытно. Хотя думать о том, что моя настоящая мать умерла, тоже не хотелось. Мне хотелось, чтобы прекрасная и несчастная принцесса с золотистыми локонами все еще была жива и коротала свой век в каком-нибудь богатом замке, вспоминая своего ребенка, потерянного давным-давно... Я всхлипнула, вытерла слезы. Прислушалась. Нет, ничего не менялось. Ни сквознячка, ни проблеска света. Похоже, я заперта в каменном мешке, откуда действительно нет выхода.

Я все же поднялась на ноги и, не отрывая ладоней от стены, начала боком двигаться вправо. Уж не знаю, зачем. Возможно, потому что просто сидеть и ждать смерти было невыносимо. Или потому, что хотелось бы понять, насколько велика камера, куда меня угораздило провалиться.

Шаг. Второй. Под пальцами все тот же холодный и гладкий

камень. Третий. Четвертый. Маленькие шажки вдоль стены... Пальцы ткнулись в препятствие, которое было похоже на короткую металлическую палку, торчащую из камня.

Сердце замерло на миг, потом пустилось в пляс. Уж не знаю, как я догадалась – но пошевелила эту палку, и она поддалась, с громким щелчком опустившись вниз.

▲ Снова в толще стен что-то заскрежетало, заскрипело. Если это древний механизм, удивительно, как он работает до сих пор. Я завертела головой, пытаюсь понять, изменилось ли хоть что-то. Кажется, что-то медленно проворачивалось высоко надо мной, что-то большое, громоздкое. Меня потом прошибло. А вдруг это какой-нибудь механический пресс, один из тех, каким давят масло, а здесь он исключительно для того, чтобы давить таких вот, как я?

Но нет. Наверху продолжало скрежетать, а потом...

Я увидела свет. Тот самый свет заката, который я видела и в лекарской. Свет как будто опускался сверху, постепенно выхватывая из темноты мрачные серые стены, давая возможность осмотреться...

Я охнула и облизнула пересохшие губы.

А закатное зарево, пойманное где-то вверху хитрой системой зеркал, уже заполонило комнату – потому что это оказалась жилая комната – и я, окончательно потеряв дар речи, только озиралась по сторонам, не понимая, почему и для кого это место оказалось спрятанным в толще каменных стен.

Конечно, здесь все заросло пылью и лохмотьями паутины, но было видно, что когда-то это была богато убранная комната. Не спальня, скорее, кабинет. По центру стоял массивный стол, уставленный склянками, бутылками, какими-то коробками – прямо как в лекарской. А дальше, у стен, были стеллажи с книгами, я за свою жизнь не видела столько книг разом. Было еще кое-что интересное, высокая подставка, на которой покоился деревянный сундучок.

Я вдохнула поглубже, пытаюсь успокоиться.

Все это, конечно, было хорошо – уж то, что у этой комнаты раньше был хозяин, говорило и о том, что этот хозяин мог сюда входить и выходить. Значит, я не умру от голода и жажды.

Зеркала вверху... Давали пока что достаточно света, но нужно было поторопиться, чтобы найти выход до того, как наступит ночь.

Я отлепилась от стены, шагнула ближе к столу, еще раз осмотрелась и вздохнула с облегчением: из стены напротив торчал еще один рычаг, и рядом с ним камни были выложены таким образом, что обрисовывали дверной проем. Наверное, выход?

Заторопившись, я бросилась к нему, но все-таки не удержалась и остановилась рядом с сундучком. Не то, чтобы я была большой любительницей рыться в чужих вещах, но почему-то сундучок так и манил – искусной резьбой, завитки которой угадывались под слоем пыли, округлыми боками. А если там окажутся деньги? Я закусила губу. Нет, ничего брать не буду. Не нужно мне чужое богатство, тем более, из такого странного места. Но заглянуть все же хотелось, очень. И я аккуратно подняла крышку, сундучок оказался не заперт.

В багряном свете заката я увидела небольшой, с ладонь, эмалевый портрет девушки в бронзовой рамке тонкой работы, с завитками и цветочками. У нее были роскошные пепельно-русые волосы, заплетенные в косы и красиво уложенные на голове наподобие короны. Личико – прекрасное и правильное, почти как у дорогой фарфоровой

куколки. И серые большие глаза в темных ресницах.

Я моргнула. Почему-то возникло нехорошее ощущение, что эта нежная куколка внимательно смотрит на меня с портрета. Слишком внимательно для нарисованной особы. По позвоночнику потянуло неприятным холодком, я быстро обернулась, чувствуя на себе чей-то незлой, но очень внимательный взгляд.. Никого. Возможно, какой-нибудь дух сейчас обратил на меня свое внимание?

Положив портрет обратно, я неслышно закрыла сундучок, отряхнула пальцы и двинулась к рычагу, который должен был открыть мне выход. Уже обходя стол, наступила на что-то маленькое и округлое. Оказалось – шарик на длинной цепочке, размером с ноготь большого пальца. Я стерла с него пыль, посмотрела на свет. Да, прозрачный шарик, как будто выточенный из куска горного хрусталя. Но внутри... Такого я тоже еще никогда не видела. Неведомым образом внутри оказался заключен крошечный домик. Совсем манюсенький, но при этом с яркой черепичной крышей, с оконцами, с дверью и даже с клумбами, на которых алыми звездочками цвели пышные розы. Я растерялась. Потерла найденное сокровище рукавом. Во имя Всех, кому это могло принадлежать? Чья это комната?

Невольно вспомнилась сказка о спящей принцессе, проклятой и уснувшей.

Но здесь не было принцессы. Да и вряд ли принцесса стала бы хранить свой портрет в сундучке.

А если принц, то где он сам?

И зачем тогда принцу вот такая безделушка, этот крошечный дом, заточенный в хрустале?

▲ Я еще раз посмотрела на шарик, и почему-то так сладко потянуло в груди... Внезапно захотелось, чтобы и у меня когда-нибудь появился вот такой уютный, свой собственный домик. Я бы ухаживала за розами, а по утрам бы готовила завтрак... Себе, а не матушке и моим сводным брату и сестре. Тоска по несбыточному простому счастью больно цеплялась где-то под ребрами, распускала во все стороны колючие усики вьюнка, а я... все еще рассматривала хрустальный шарик.

По-хорошему, мне следовало торопиться. Оставить все здесь, уходить, вернуться к себе в комнату. Поди, Габриэль волнуется.

Но этот маленький домик... Он казался мне таким одиноким, потерянным и никому не нужным. Жалость кольнула сердце, и было непонятно, кого мне жаль больше – игрушку в хрустальном шарике или себя, с такой же потерянной, выброшенной кем-то и когда-то судьбой.

Поколебавшись несколько мгновений, я все же сунула шарик в карман, и теперь уже почти бегом кинулась к рычагу.

Он легко поддался, в стене что-то заскрежетало, и часть кладки начала проваливаться вперед. Дверь проворачивалась вокруг своей оси, и я нырнула в открывшийся лаз, чтобы успеть.

Но в самый последний миг, уже стоя в темном коридоре, я услышала грохот и треск в тайной комнате. Я успела увидеть, что тот самый сундучок, что стоял на подставке, внезапно разлетелся в щепки – как будто страшная и неведомая сила раздавила его, вкладывая в удар всю ярость, всю тоску и всю боль.

..И все закончилось. Меня вынесло в сумрачный и тихий коридор. Я выдохнула, вытерла пот со лба. И едва не подскочила на месте, услышав:

- Ильса? Что ты здесь делаешь?

Я не сразу сообразила, кому мог принадлежать этот голос. Наверное, меня перекосило от ужаса, когда я поворачивалась, потому что Альберт – а это был он – лишь усмехнулся половиной лица и покачал головой.

▲ - Испугалась? Брось, я тебе ничего дурного не сделаю.

Он подходил все ближе, вылился из сумрака, хотя, надо признать, был одет так, чтобы в потемках его и вовсе не заметили: в черной шелковой рубашке и черных узких штанах. Светлые волосы были спрятаны под темный платок, повязанный на морской манер, и такой же платок свободно болтался на шее – готова поклясться, что под ним он прятал лицо, оставляя лишь глаза.

- Как ты здесь оказалась? – мягко спросил он, останавливаясь в шаге от меня и заглядывая в глаза.

Меня немного трясло, мысли путались. Что ему сказать? Следует ли рассказывать про тайную комнату? Про сундучок, портрет девушки и крошечный домик, который я зачем-то положила себе в карман? Или о том, что мне стало дурно на собеседовании, и я некоторое время провела на койке в лекарской?

- Ильса, – мягкий... обманчиво-мягкий голос обволакивал и подчинял, – что случилось? Ты как будто сама не своя.

- Я... заблудилась, – промямлила я, стараясь не отводить взгляд.

Альберт пока что не сделал мне ничего плохого, но, но... А что сам он делает в этом месте и в таком виде?

- Ты как будто из стены вывалилась, – он согнул руку в локте, – идем, я проведу тебя до женского крыла, а ты мне пока расскажешь, что произошло. Я уже слышал, что тебе стало плохо на собеседовании, говорили, что у тебя невероятная чувствительность к тропам.

- К тропам?

- Ну да. По которым мы будем искать тех, кого сонная немочь заманила в Долину Сна. Так что произошло? И как это ты оказалась в совершенно пустом коридоре, мм?

Я все-таки несмело положила ладонь на его предплечье. Рука под тонким шелком оказалась горячей и жесткой, перевитой мышцами. Интересно, чем они там занимались, в этой Школе Парящих? И мы неторопливо пошли вперед. Куда – сама не знаю. Оставалось только надеяться, что Альберт меня не обманул, когда пообещал довести до нужного крыла.

- Я возвращалась из лекарской, – тихо призналась я, – наткнулась на ар Мориша с компанией, ну и... они были навеселе, изрядно. Погнались за мной, я убежала. А потом попала в тупик, и стена как будто провернулась. Так я оказалась здесь.

▲ Хорошо, что не нужно было смотреть в глаза Альберту. Я совершенно не умела лгать, краснела, начинала часто моргать и тереть кончик носа. Хорошо, что мы просто шли под ручку, и он не заметил моего волнения.

- Дурак, – беззлобно прокомментировал Альберт, – не ходи одна, Ильса. Этот ар Мориш – надутый индюк и злопамятная сволочь. Он никак не может простить мирозданию, что не быть ему герцогом, вот и бесится. Ну а на ком ему отыграться? Понятное дело, что на беззащитной девушке.

- Я ему нос расквасила, - не удержавшись, похвасталась я, а на языке так и вертелось – что ты здесь делаешь, Альберт? Что ищешь в коридорах замка Бреннен?

Но, понятное дело, я ничего не спросила. С моей стороны была видна застывшая в неподвижности часть лица Альберта, и она-то меня пугала. Было что-то дикое и одновременно властное в этой странной неподвижности, и от осознания этого в животе становилось щекотно – так, как будто я собираюсь сделать какую-нибудь гадость матушке, за что буду непременно наказана.

- Знаешь, - вдруг сказал он, - когда ты отмылась и переделалась, ты премило выглядишь.

И умолк, искоса на меня поглядывая. А я не знала, что ответить. Мне такого раньше не говорили.

- Если тебе захочется прогуляться вечером, зови меня, - наконец завершил он, - если я буду с тобой, ар Мориш и его припевалы не посмеют и слова дурного сказать.

- Спасибо.

Я вконец смутилась. Что это было? Приглашение на свидание? Или Альберт решил сам потискать хорошенькую крестьянку?

- Почему тебе стало плохо? – ему явно хотелось поговорить.

Я пожала плечами.

- Ленточка. Я взяла в руки обрывок ленточки, который, как мне потом сказал наставник Брист, принадлежал одной девушке, которая... заблудилась в Долине Сна.

- Так тебе дали ленточку Флавии, наверное, - предположил Альберт.

- А кто это?

♣ - Ну, конечно же, ты не знаешь, кто это. Хотя это известная история.

Я скривилась.

- Мне мои свинки ее не рассказывали.

- Понятное дело, - мне казалось, что он улыбнулся, но с моей стороны по-прежнему была видна неподвижная половина лица, - не сердись, я тебе расскажу. Лет двести тому назад замок Бреннен принадлежал брату и сестре, близнецам. Они оба родились очень одаренными, дух Пробуждения оставил в них изрядную частицу себя, как это принято говорить, и оба они были сноходцами. Вообще, замок Бреннен, и школа сноходцев – это все была их идея. Кажется, они даже придумывали, как закрыть наш мир от сонной немочи, но... Случилось так, что Флавия, похоже, переоценила свои силы и застряла в Долине. А потом исчез и ее брат. Всякое рассказывают. Я слышал, что он сошел с ума оттого, что чувствовал себя виноватым перед сестрой. А еще слышал, что он тоже ушел следом за ней, да так там и остался... многие, правда, считают, что его прибрала сонная немочь, и его куколка так и лежит где-то в Бреннене, в одной из тайных комнат.

- Жуть какая, - невольно пробормотала я.

А сама подумала о том эмалевом портрете невероятно красивой девушки. А вдруг то была Флавия? Вдруг... она до сих пор жива?

Мотнула невольно головой. Нет, нет. Двести лет. Такого просто не бывает.

- Жуть, да, - согласился Альберт, - скажи мне, а кто здесь в лекарской всем заправляет?

- Фелиция, - ответила я.

И невольно передернулась, вспомнив звонкий молодежавый голос

лекарши, так странно сочетавшийся со взглядом мясника.

- Что, мерзкая бабенка?

Альберт удивительным образом почувствовал мое смятение.

- Не знаю... - наверное, мне все это примерещилось, и Фелиция на самом деле была милой дамой, о которой я почему-то дурно думала.

- Ну и ладно, - проговорил он, - вот мы и пришли.

Оказывается, мы на удивление быстро добрались до той самой лестницы, половина которой сворачивала на женскую половину.

Альберт выпустил мою руку и галантно поклонился. Так непривычно...

▲ - Доброй ночи, Ильса. И, пожалуйста, не броди по замку одна. Если не хочешь прогуливаться со мной, бери Габриэль. Она - аристократка, у ар Мориша кишка тонка сделать какую-нибудь гадость равной себе по происхождению.

- Спасибо, - я невольно склонила голову.

Привычным было бы поклониться, но... вроде бы, не положено здесь?

Потом откуда-то снизу донеслись голоса, Альберт торопливо сдернул с головы платок, махнул мне рукой.

- Иди, иди! Не надо, чтоб нас видели! - это уже торопливым шепотом.

Он резко повернулся и исчез в полумраке «мужской половины». Его силуэт еще пару раз мелькнул в неверном свете факелов и исчез. А я бегом рванула в «дамское» крыло.

...Успела. Ни меня, ни Альберта, похоже, никто не заметил. Я выдохнула, расправила подол, и открыла дверь в нашу с Габриэль комнату.

- Ильса! - оказывается, она уже была в кровати. Рядом, на тумбочке, горели три свечи в подсвечнике, Габриэль читала книгу.

Едва меня завидев, она всполошилась, отбросила пухленький томик и села.

- Что случилось?

Пришлось и Габриэль рассказать. Не все, конечно. Отчего-то про тайную комнату я умолчала, хотя Габриэль пока что была моей единственной подругой. И про домик в хрустале тоже ничего не сказала. В основном, рассказывала о том, как проходило собеседование - и тут уж ничего не скрывает, и о том, как потом бежала от ар Мориша и его прихлебателей.

- Ну и козел, - хмуро сказала Габриэль, - я вот не пойму, он действительно собирался?..

Я устало села на свою кровать и принялась расшнуровывать бока платья.

- Не знаю. Может быть. Я ведь никто, понимаешь? Если бы не успела убежать... Кому бы я пошла жаловаться?

- Наставнику, конечно.

Габриэль принялась расхаживать по комнате, шлепая по камню подошвами домашних туфелек.

▲ - Думаю, что ему и об этом надо рассказать. А что, если в следующий раз они тебя догонят?

- Я потом Альберта встретила, - все же сказала я, - он советовал нигде одной не бродить.

- И то правда, - Габриэль задумчиво теребила оборку на сорочке, - да, вот. Совсем забыла. Пока тебя не было, нам принесли еды.

И кивнула в сторону единственного в комнате стола.

Потом, опьянев от непривычной сытости, обсудив с Габриэль, как отвратительно было бы ей выйти замуж за того старикашку, посетив уборную и умывшись, я забралась в кровать, в совершенно новую постель. Льняные простыни даже немного царапались, такими новыми они были. И одеяло у меня было, толстое, шерстяное, добротное. Я забралась под него по самый нос, свернулась калачиком. Усталость брала свое, слишком много всего случилось за день. Уже совсем сонная, я протянула руку к платью, которое развесила на спинке стула, сквозь ткань нащупала в кармане хрустальный шарик. Он приятно охлаждал пальцы, почему-то внушая чувство покоя и безмятежности.

Но слишком много всего случилось за день. Вероятно, именно поэтому всю ночь мне снились какие-то мутные и неприятные сны, полные кровавой паутины, багрового тумана и тьмы. А напоследок я увидела себя бредущей по аккуратной дорожке к уютному домику с яркой черепичной крышей.

Да, я не могла ошибиться. Это был тот самый домишко из хрустального шарика. И даже цвет роз был таким же, глубоким бордовым. Я остановилась на пороге, сердце пойманной птицей билось в груди. Подняла руку и толкнула шершавую наощупь дверь. Там, в домике, кто-то был. И в нос ударил запах вина.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://feisovet.ru/магазин/Князь-моих-запретных-снов-Оливия-Штерн>